

Часть 4: Мягкий несчастный дядя *** необузданного вероломного племянника

Слова никак не шли из старшего мужчины.

(Лью ШуШон:) - У тебя там на подбородке,... под подбородком внизу... вон там... кожа...

(Лью ЛиДжон, силится разобрать бормотание:) - ???

(Лью ШуШон, еще тише:) - Кожа как бы нежная. Я почувствовал себя... неловко. Мне показалось, я совершу непристойность, трогая тебя.

Лью ЛиДжон охренел. Он ожидал чего угодно, но такого не ожидал. Этот здоровенный идиот... пять лет стесняется прикоснуться к нему, потому что у него как бы нежная кожа? Он прячет глаза, потому что, блядь, стесняется?!

Он вцепился себе в волосы в точности так, как это делал дядя, когда не мог собраться с мыслями. Дурдом, блядь!

(Лью ЛиДжон:) - Что ты говоришь? Ты говоришь, что непристойно взять собственного племянника за подбородок? Что у тебя в твоей мудацкой голове творится?

(Лью ШуШон, из последних сил:) - ЛиДжон, что тебе от меня надо? О чем мы сейчас говорим?

("Мне не надо было сюда приходить!")

(Лью ЛиДжон:) - Мне надо, чтобы ты, наконец, дотронулся до моего ебаного подбородка! Это последнее желание человека перед казнью.

(Лью ШуШон:) - Не говори глупостей.

Он был красный, как все та же вулканическая магма. Происходящее начинало походить на один из его снов - с поправкой на решетку, тюки с бакалеей и мокрые тряпки на Лью ЛиДжоне.

(Лью ЛиДжон, делая шаг вперед:) - На. Протяни руку.

Лью ЛиДжон почувствовал кровь, как гончая. Или анаконда.

Вопреки всему, что про него говорили, он не был избалованным мальчиком, который устраивает истерики бедному дяде.

Можно устраивать истерики родителям, но с возлюбленным правила игры совсем другие. Двадцать лет он нащупывал границы, делая выводы и меняя тактику, исходя из редких дядиных отказов, его настроений, выражений на лице. Ставки росли: лишняя сказка на ночь, второй завтрак в школу, который владелец торгового дома Лью должен был приносить самолично, ожидание племянника вечером после работы. Цель всегда была одна - присвоить этого человека себе. Такого доброго, красивого, большого, сильного, всемогущего человека. И ни с кем не делиться.

Он оголил свои нервы, как взломщик сейфов стесывает подушечки пальцев до мяса, чтобы почувствовать ответ металлического механизма. Он стал хищником, знакомым с повадками жертвы и с ее маршрутами к логову и на водопой.

Он собственным телом ощущал, как у дяди трясутся поджилки. И сам трясся вместе с ним. Он уже знал, кто сейчас уступит. Но он боялся. Как написал где-то, не помню где, великий Бо Баюн, "Море великого отчаяния топит слабых и поднимает сильных на гребне..." В жопу великого Бо Баюна. Пять блядских лет...

Лью ШуШон протянул руку сквозь решетку.

(Лью ЛиДжон:) - Ты бы себя видел, как ты двумя пальцами держишь мое лицо, словно сраную дохлую крысу. Нормально возьмиись!

Пальцы легли на мягкую нижнюю часть под нижней челюстью, и Лью ЛиДжон тут же прижал их своей ладонью. Он сделал еще шаг вперед, не отпуская руки Лью ШуШона. Лью ШуШон почувствовал, как ладонь юноши гладит и трет его руку, и сильнее вминает себе в щеку. Лью ЛиДжон еле дышал, лицо стало беспомощным, глаза огромные, взгляд застыл на дяде.

Лью ШуШон даже не пытался вырваться: младший мужчина вцепился в него с той силой, с которой земля удерживает луну на своей орбите. Под его большой ладонью бился пульс в сонной артерии. Каждый лихорадочный толчок крови в теле юноши отзывался взрывной волной внутри старшего мужчины.

Привычное чувство вины, усугубившееся от сдавившего грудь волнения, нахлынуло на Лью ШуШона, но племянник уже держал его своей другой рукой за локоть. Лью ШуШон не мог посмотреть ему в глаза,

На них обоих было жалко смотреть.

Лью ШуШон протянул сквозь решетку другую руку и положил ее на голову юноши. Ладонь сжалась в кулак, захватив прядь волос. Потом он разжал ее и провел вниз. Ладонь двинулась, погладила или потерла затылок и шею. Он давил с такой силой, что волосы трещали и ломались у корней, так что и пальцы, и плечо были сведены спазмом.

Потом Лью ШуШон притянул Лью ЛиДжона к решетке и уперся в него лбом. Дыхания

смешивалось в одно и пьянили, как рисовая водка (и это даже не метафора, потому что Лью ЛиДжон уже раскупорил в кладовой одну бутылку).

Лью ШуШон почувствовал губы, зубы и язык Лью ЛиДжона на своей нижней губе, в указанной последовательности. Язык полез к нему в рот, от него внутри появился привкус водки. Лью ЛиДжон предусмотрительно держал дядю обеими руками за волосы, но эта бессознательная предосторожность была уже лишней. Его лицо было в дядиных ладонях, и старший мужчина тоже не собирался отпускать.

Первые поцелуи бывают разные. И надо признаться, половина из них имеет привкус алкоголя. Но сквозь тюремную решетку, в ожидании четвертования за государственную измену - такое заслуживает упоминания.

(Лью ЛиДжон, оторвав от другого мужчины губы, но не отпуская его волос:) - Открой эту ебаную комнату на хуй сейчас же!

(Лью ШуШон:) - У меня нет ключей. (Притягивает Лью ЛиДжона обратно за затылок.)

(Лью ШуШон, Лью ЛиДжон:) -

(Лью ШуШон, пытаясь, наконец, оторваться:) - Пусти.

(Лью ЛиДжон, сквозь поцелуй:) - Не пущу.

Старший мужчина был сильнее. Отковырив с себя пальцы Лью ЛиДжона, он освободился из цепких племянниковых рук, сделал шаг назад, взялся за решетку, мускулы напряглись, решетка выгнулась, обломки дерева полетели из отверстий. Лью ШуШон выкинул решетку.

Лью ЛиДжон снова вцепился в него, обхватил его голову, захватил его губы в свои. Языки скользили друг по другу, а мозги в голове становились такими легкими, невесомыми, как будто их вообще не было.

- Иди сюда! - велел Лью ЛиДжон.

Если бы кто-нибудь увидел, как преступник вместо того, чтобы вылезти из камеры, помогает в нее залезть обворованному негоцианту, он бы конечно, согласился с Лью ЛиДжоном, что происходящее можно квалифицировать как полный дурдом. (После чего этот зоркий и законопослушный кто-нибудь, скорее всего, донес бы о выломанной решетке в расчете на вознаграждение от властей префектуры, так что действительно хорошо, что никто не видел.)

Лью ШуШон послушно влез в кладовую через окно. Похоже, это было уже у него в крови - потакать племяннику. Похоже, это было у племянника в крови - помыкать дядей. Идиотизм того, что они делали сейчас, был необъясним.

- Я тебя, мудака, ненавижу, - сообщил Лью ЛиДжон, целуя его шею.

Это было настолько знакомо, что Лью ШуШон даже немного успокоился.

- Я знаю, - печально сказал он.

- Старый идиот!

Лью ЛиДжон укусил его за плечо, чуть выше ключицы и не хотел разжимать зубы, раз за разом надавливая на болезненное место и глядя его языком. Лью ШуШон со вздохом опустил лицо на мокрые волосы юноши.

Они вминались друг в друга и не могли придумать способа, как прижаться еще крепче. Мясо спрессовалось в тонкую прослойку, дальше были кости. К сожалению. Когда соединяют два слоя клинка, нагретый металл тает и проникает друг в друга. Почему люди так не могут? Жар их тел был горячее нагретого металла.

(Лью ШуШон:) - Ты весь мокрый!

Это драгоценное молодое тело, которое он так берег всю жизнь, и даже, и в первую очередь, - от себя - было сейчас грязное, разбитое, усталое, немного пьяное, невыспавшееся, черт знает где ночевавшее, в мокром насквозь ханьфу.

(Лью ЛиДжон, не разжимая зубов, невнятно:) - Насрать.

Тем не менее, он зашуршал одеждой и скинул верхний халат и пояс, оставшись в одной нижней рубашке.

Лью ЛиДжон вытянул рубашку из-под рук Лью ШуШона, задрал ее так, чтобы дядины руки были на его голой пояснице.

Лью ШуШон вздрогнул, привычное чувство вины зажгло сигнал тревоги, пока еще совсем слабый, в его помутившемся сознании. Это было почти, как во сне... Почти, только... Хуже! В сто раз хуже!

Лью ЛиДжон, ласково удерживая его ладонь в своей, перемещал ее под край штанов, проведя по бедру и прижав к нижней части живота, так что волосы на лобке щекотали пальцы. Пояс от штанов упал на пол плавно, как подстреленная птица.

У Лью ШуШона не было достаточно фантазии, чтобы представить, как он гладит своему дорогому мальчику что-нибудь кроме груди, спины и ягодиц. Соответственно, сны ничего ему не показывали кроме того, что он сам мог представить. Да, он во сне целовал Лью ЛиДжона и в

грудь, и в живот. Он не будет отрицать.

А наяву... Твердая ладонь Лью ЛиДжона лежала на твердой ладони Лью ШуШона, которая уже плавно съехала на не менее твердый член Лью ЛиДжона.

Лью ЛиДжон сглотнул. Он едва дышал. Он положил голову на плечо старшему мужчине, одна рука удерживает его за ягодицы, другая - помогает гладить член. Лью ШуШон слышал, как дрожит у уха его дыхание.

В голове у Лью ШуШона все смешалось, сигнал тревоги затух так же тихо, как зажегся. Наверно потому, что он был такой слабый. Ягодицы у него непроизвольно сжались. Только когда локоть юноши сквозь одежду коснулась его нижней части, он понял, что него самого пенис стоит, как памятная гранитная колонна в парадном дворе Императора... Чресла Лью ЛиДжона несколько раз напряглись.

Был слышен стук каждой капли за окном. Шелест каждого листа на клене... В этот момент Лью ШуШона обдало струей горячей спермы. Племянник прижался в нему и терся лбом о его плечо, как дикий кот.

- Это все ты виноват, - сообщил он тихо, целуя его в шею.

(Лью ШуШон:) - ...

Он сам был недалеко от того же состояния, хотя они даже онанизмом заняться не успели. Лью ЛиДжон шелестел в его длинном узком халате, пытался добраться до пояса.

(Лью ЛиДжон:) - Пока тебя разденешь, меня три раза казнить успеют... замотан, как колбаса...

(Лью ШуШон:) - Ну что ты де...

(Лью ЛиДжон:) - Иди ко мне.

(Лью ШуШон:) - Я уже тут, где мне еще быть.

(Лью ЛиДжон:) - Дурак.

Он потянул старшего мужчину на пол и встал над ним на коленях.

Не переставая целовать его и прижиматься к нему, юноша провел ладонью Лью ШуШона по тому месту, где на нем оставалась сперма и дальше между ягодиц.

Член Лью ШуШона, который, казалось, невозможно было сделать тверже, напрягся еще... Глаза начала завлакивать красная пелена. Лью ЛиДжон, маленькая сволочь, улыбался, не сводя глаз с его лица. Он умудрился-таки забраться к дяде под халат и ослабить ему штаны, выпустив на волю обезумевший от желания член.

"Обезумевший" - очень хорошее слово в такой ситуации, потому что при полной утрате мозга, произошедшей с обоими мужчинами еще до того, как они выломали решетку в кладовой, ум оставалось искать только в противоположной части тела (ноги не в счет). Но и там его уже не было.

Добраться до заветных мест на теле Лью ШуШона было непросто - одет он был, как всегда, очень аккуратно. Помимо узкого делового халата на нем была еще строгая рубашка танчжуан, застегнутая на девять перламутровых пуговиц. Четыре нижние Лью ЛиДжон оторвал, одним решительным рывком распахнув рубашку снизу. "Был" - тоже очень хорошее, точно выбранное слово в применении к аккуратности костюма Лью ШуШона.

Лью ЛиДжон вдруг вскочил на ноги.

Лью ШуШон пытался удержать его за бедра, но тот уже рылся за мешками. Через две секунды он с торжеством вынырнул, держа в руке флакон ароматического гвоздичного масла. Занимаясь делами компании, племянник очень хорошо ориентировался в содержимом домашних кладовых.

Устроившись снова верхом на Лью ШуШоне, он вылил хорошую порцию себе между ног и щедро полил Лью ШуШонов член. Рука племянника потрогала детородный орган Лью ШуШона.

Лицо юноши было прямо у его лица: глаза в глаза, нос к носу, прерывистое дыхание - в другом прерывистом дыхании. Это не было знакомое лицо. Это был кто-то другой.

Лью ЛиДжон всегда держал глаза сощуренными, а губы - презрительно поджатыми. Каждую секунду от него нужно было ожидать злобной выходки, его невозможно было понять.

Этот молодой мужчина, который зачарованно смотрел сейчас на Лью ШуШона, словно увидел его в первый раз, умел улыбаться. Он распахивал свои невероятные голубые глаза - и из них выплескивалось его возбуждение. Он умел говорить "Протяни ко мне руку" и "Иди ко мне". Кто он? Неужели это - настоящий Лью ЛиДжон? И куда делся тот?

Пальцы юноши трогали подушечками член старшего мужчины, оставляя подтеки гвоздичного масла. Ладонь Лью ШуШона, с которой масло капало на дощатый пол под ними, была у него между теплых ягод.

Лью ЛиДжон подвинулся еще ближе, отклоняя Лью ШуШона на спину, на мешок с рисом.

- Что?! Что ты делаешь?

Лью ШуШон, конечно, имел отдаленное представление о том, что может происходить между двумя мужчинами, но ему и в кошмарном сне не привиделось бы, что такое может случиться у него с Лью ЛиДжоном. Тем более прямо сейчас!

- Что ты?! Ты что?!

Лью ЛиДжон взял его шею в кольцо своих рук и оперся на него. Он вплотную приблизил свое лицо и задушевно произнес:

- Сейчас ты мне начнешь рассказывать, как ты меня в ванночке купал... мудила... Посмотри на меня, сука! Это, блядь, похоже на детское личико?.. Я три дня не брился!

Он нагнул дядину голову к себе уколол его в нос щетиной. Не совсем в нос - куда попало, в правую половину лица и в часть носа. Еще нечаянно подбородком двинул в глаз. Нет, это все-таки был Лью ЛиДжон, никуда он не делся.

- Вот это похоже?!

Он привстал и сунул свой затвердевший член в лицо Лью ШуШона, рывком нагнув ему голову. Потом подался вниз и схватил его губы в свои.

- Ты хочешь меня? - спросил он хриплым голосом между поцелуями.

Лью ШуШон с удовольствием закрыл бы лицо руками и скорчился в углу, но его руки по-прежнему были на заднице Лью ЛиДжон и совсем не хотели оттуда уходить. При этом на нем верхом сидел взрослый мужик, зажимая его стальной хваткой и руками, и ногами, так что план скорчиться в углу был обречен на провал.

Внутренности у него были завязаны в тугий узел, который дрожал так, что чресла непроизвольно дергались. Ему казалось, что у него стоит не только пенис, но и живот, спина и бедра вместе с ним.

Губы в губах любимого, Лью ШуШон невнятно ответил:

- Да.

Он хотел это молодое, сильное, незнакомое, обожаемое тело.

Лью ЛиДжон, сидя на нем верхом, приладил член в нужное положение и медленно на него

опустился. Зубы мучительно сжаты, на глазах выступили слезы, но на губах - шальная улыбка.

- Попробуй только убрать, твою мать!.. Ох, так все-таки глубоко. Твою мать! Поверни меня как-нибудь, поверни, как тебе удобно... Только не так. Блядь!

В конце концов, опираться на мешок с рисом пришлось Лью ЛиДжону - что было неплохо: было, что закусить зубами.

Лью ШуШон держал его бедра и входил глубже раз за разом. Блаженные волны в его теле поднимались от чресел все выше, доставая до кончиков пальцев на руках и ногах. Волны боли в теле младшего мужчины доставали до горла, так что он не мог дышать и прокусил мешок насквозь.

Оба рычали, как пойманные звери. Оба были счастливы, - потому что все, что чувствовал один: и боль, и наслаждение, - исходило от другого, было этим другим, любимым, растворяющимся в тебе и принимающим тебя.

Лью ШуШон выплеснул семя в теплое нутро молодого возлюбленного и всем телом обрушился на его оголенную спину. Он поднял ему рубашку до шеи и целовал в косточку на затылке, терся щекой о скрученные судорогой мускулы.

Лью ЛиДжон, стоя на коленях в обнимку с мешком, выплюнул рис, прилипший к языку. Он медленно приходил в себя. Он отклонил голову назад, прижимаясь затылком к коротко остриженной голове старшего мужчины.

Лью ШуШон что-то говорил ему в спину.

(Лью ЛиДжон:) - Что?

(Лью ШуШон, тихо:) - (разговаривает о чем-то со спиной, невозможно разобрать)

(Лью ШуШон, поднимая голову:) - Ты должен бежать.

(Лью ЛиДжон:) - На хуй!

Он закинул руки назад и спиной прижался к возлюбленному.

Они стояли на коленях, руки Лью ШуШона обнимали юношу за грудь, руки Лью Ли Джона обнимали Лью ШуШона позади себя за поясницу. В глазах все еще стоял туман, как в теплую осеннюю ночь над горами. Из прокушенного мешка сыпался рис в лужу ароматического гвоздичного масла.

(Лью ЛиДжон:) - Блядь! Я должен бежать.

Лью ШуШон не сразу отпустил его.

Юноша натянул штаны, накинул халат и одним движением повесил саш себя на шею.

Раз - Лью ЛиДжон захватил губы возлюбленного своими и достал языком до гланд.

Два - вскочил, сидя, на подоконник, перемахнул через него и пропал. При прыжке он охнул и уже за окном был слышен его счастливый, хрипловатый после напряжения, смех: "Ох, жопа все-таки болит!"

Лью ШуШон остался один...

Три - Лью ЛиДжон снова возник в разломанном окне и замахал руками.

(Лью ЛиДжон:) - Там бутылка! Бутылку дай!

Лью ШуШон начал подниматься с места, но вовремя остановился.

(Лью ШуШон:) - Нет. Не хватало только, чтобы ты пьяный бегал от имперской гвардии.

(Лью ЛиДжон:) - ...

(Лью ЛиДжон:) - Разумно.

Четыре - он исчез.

Лью ШуШон остался один, запертый в кладовой вместо Лью ЛиДжона.

В памяти, перед глазами и по всему телу всплывали недавние образы: его рука на лице Лью ЛиДжона, которую гладит другая рука, вкус губ, тень от ресниц, запах дыхания, рассыпавшиеся по плечам волосы, обнаженная поясница под задранной нижней рубашкой и ниже - стройные ягодицы с гладкими выемками, и еще ниже - заветное место, где ягодицы превращаются в ноги и где кожа нежная и белая, как жемчужный шелк. Жар внутри его юного тела.

Они так ничего и не сказали друг другу, но слова были уже не нужны.

Он встал и вылез в окно. В кладовой остался погром. Кажется, они уронили пару ящиков с

бакалеей и разбили фарфоровую вазу.

Лью ШуШон тоже был весь грязный: в рисе, ароматическом масле, перламутровых пуговицах и сперме. Как после побоища. Еще в водке - эта маленькая любимая сволочь Сяо Джо в какой-то момент сунул ему хлебнуть. Пару раз.

Их видели...

=====

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице перевода, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697097>